

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.5

Доминантные образы в русской и болгарской эмотивной фразеологии

© Л. А. Киселева^{1*}, А. М. Ямалетдинова²

¹Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева
Россия, 443086 г. Самара, улица Московское шоссе, 34.

²Уфимский университет науки и технологий
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: kiseleva.la@ssau.ru

Статья посвящена выявлению и системному описанию основных образов, определяющих специфику внутренней формы фразеологизмов со значением эмоций в русском и болгарском языках. Выделены две группы таких единиц: включающие/не включающие в качестве компонентов названия эмоций. Образность фразеологизмов первого типа основана на онтологических метафорах, фиксирующих уподобление эмоций материальным реалиям (предметам, жидкостям и т.д.). Внутренняя форма единиц второго типа носит антропоцентрический характер: она отражает языковую интерпретацию эмоций с опорой на знания о внешних характеристиках человека. Ведущую роль играет метонимический принцип, предполагающий описание эмоций через указание на связанные с ними феномены. Так, наблюдается актуализация соматического кода: символизации подвергаются имена сердце/сърце и душа, а также многочисленные названия частей тела, внутренних органов, вкусовых и тактильных ощущений и т.д.

Ключевые слова: эмоции, фразеология, образность, русский язык, болгарский язык, антропоцентризм, соматический и предметный коды культуры.

Введение

Контрастивное описание фразеологического фонда разных языков в последние годы привлекает все большее внимание ученых, при этом материалом такого исследования зачастую выступают фразеологические единицы (далее – ФЕ), обозначающие эмоциональные явления [7, 12, 13]. Это представляется нам вполне объяснимым: обладая весьма яркой внутренней формой, данные единицы наглядно демонстрируют широкие возможности языка в плане образной интерпретации «непредметного мира». Исследование семантического своеобразия эмотивной фразеологии разных языков кажется нам актуальным еще и по той причине, что оно, дополняя анализ лексических наименований эмоций, способствует выявлению наиболее общих, универсальных закономерностей вербализации чувственной сферы. Эмоции, выступающие в качестве одного из важнейших механизмов субъективной оценки реалий мира, в той или иной мере соотносятся с особенностями национальной психологии [4]. Тем интереснее проследить специфику образной интерпретации эмоций во фразеологии разных языков, за которыми стоят определенные культурные традиции. В центре нашего внимания находятся эмотивные фразеологизмы русского и болгарского языков, представляющие большой интерес с семантической точки зрения: являясь близкими в генетическом отношении, данные языки обнаруживают не только сходства, но и различия образно-символической репрезентации

реалий мира, в том числе эмоциональных переживаний. Цель работы – выявление и сопоставительный анализ доминантных образов, посредством которых выражаются представления об эмоциональном мире человека в русской и болгарской фразеологии. Материалом исследования послужили данные фразеологических словарей русского и болгарского языков [1, 5, 14]. Объем проанализированного материала составил около 200 фразеологизмов – примерно по 100 единиц в каждом из языков.

Результаты и обсуждение

Одной из основных содержательных характеристик ФЕ является то, что в их значении представлены дополнительные оттенки образного и экспрессивного характера: «Образность ФО зиждется на его внутренней форме, которой мотивируется общая целостность его семантики. А любая мотивация содержит в себе сравнение как отправную точку когнитивного процесса. <...> Поэтому в основе образности ФО всегда (или почти всегда) лежит сравнение реалий внеязыковой действительности, которые становятся эталоном, образцом или, наоборот, антиэталом идеального качества, состояния, действия, ситуации и т.д.» [11, с. 15]. В связи с этим в центре нашего внимания находится специфика образов, наиболее регулярно используемых в русской и болгарской фразеологии при описании эмоциональных явлений. Прежде всего отметим, что в обоих языках среди анализируемых единиц выделяются две группы: 1) фразеологизмы, включающие в качестве компонентов наименования эмоций; 2) фразеологизмы, не содержащие в своем составе этих имен.

В основе образности фразеологизмов первой группы чаще всего лежат предметные (иначе – онтологические) метафоры, предполагающие уподобление эмоций различным материальным субстанциям (предметам, веществам, жидкостям и т.п.), например: русс. *загораться/загореться (зажигаться/зажечься) интересом, развеять грусть (печаль, тоску, уныние), кипеть гневом (негодованием), разжигать вражду (ненависть)* и др.; болг. *нанасям обида* ‘наносить обиду’, *изгарям от срам* ‘сгорать от стыда’, *изливам си мъката* ‘изливать свою душу (боль)’, *кривя омраза* ‘таить ненависть’ и т.д. Кроме того, среди ФЕ этой группы важное место занимают обороты, образная семантика которых основана на метафоре контейнера (вместилища): русс. *быть в восторге, быть в раздражении (в гневе), прийти в восторг, вселять/вселить страх (ужас), впасть (прийти) в уныние (депрессию, меланхолию, отчаяние), свергать/свергнуть в отчаяние* и т.д.; болг. *изпадам в отчаяние* ‘приходить в отчаяние’ (букв. ‘впасть в отчаяние’¹) и др. По мнению Е. С. Кубряковой, «сама идея контейнера – схематизированное и предельно упрощенное представление об универсуме лишь в его способности иметь что-то... в себе самом, внутри себя, это прежде всего идея „пустого пространства“, в котором находятся все выделенные человеком объекты – как материальные, так и идеальные. Это, собственно, и позволяет мыслить затем и пространство как вмещающее все сущее, и каждый объект – как своеобразный контейнер, рамки которого могут быть определены и его физической сущностью (ср. сосуды, резервуары, здания и т.п.), и его качественной специфичностью (ср. воду, воздух и т.п.), и, наконец, просто его воображаемой отдельностью (ср. чувства и состояния)» [8, с. 482]. Отметим также, что в болгарском языке нами зафиксировано довольно много фразеологизмов, которые не включают обозначения эмоций, но также реализуют принцип контейнера: *напълни ми душата!* ‘такое наслаждение!’ (букв. ‘наполнить душу’), *това ме изпълва!* ‘разг. это бросает меня в восторг!’ (букв. ‘это меня наполняет’) и т.д.

¹ Здесь и далее буквальный перевод с болгарского языка наш. – Л. К.

Единицы второй группы образуют более значительную в количественном отношении группировку. Образная семантика большинства данных ФЕ имеет антропоцентрический характер, т.е. отражает осмысление эмоций сквозь призму наивно-языковых знаний о различных характеристиках человека, прежде всего внешних. При этом в основе внутренней формы таких единиц часто лежит метонимический принцип, в соответствии с которым эмоции описываются через указание на связанные с ними феномены. Данный принцип оказывается соотношенным с определенными культурными кодами: в частности, наиболее продуктивным становится соматический код, предполагающий образное осмысление эмоций с опорой на знания о частях и органах человеческого тела. Например, важное место среди таких единиц занимают фразеологизмы, содержащие в качестве компонентов имена *сердце/сърце* и *душа*, которые обозначают особые «точки» на наивной анатомической карте человека, символизирующие его эмоциональные проявления, или «константы психики» (термин В. Н. Телия); ср.: русс. *бередить/разбередить душу (сердце), брать/взять (забирать/забрать, задевать/задеть, хватить/схватить) за душу (за сердце), бьет по сердцу, в сердцах, владеть/овладеть сердцем, входит/войти в душу (в сердце), болеть душой (сердцем), вынимать/вынуть душу (сердце)* и мн. др.; болг. *падна ми на сърцето* 'пришлось по сердцу' (букв. 'упало мне на сердце'), *камък ми падна от сърцето* 'у меня отлегло от сердца' (букв. 'камень упал с сердца'), *завладея сърцето на някого* 'покорить чье-либо сердце' (букв. 'завладеть чьим-л. сердцем'), *давам душата си за някого* 'разг. сильно любить кого-л.' (букв. 'отдавать свою душу за кого-л.'), *извади ми душата* '(всю) душу мне вымотал' (букв. 'вынул мою душу'), *мъка ми е на душата* 'терзаться душой; мне грустно' (букв. 'мука на душе') и т.д. При этом наблюдается определенное доминирование ФЕ с лексемами *сердце/сърце*, которое демонстрирует главную роль данных единиц в образном представлении эмоций. По мнению Е. В. Урысон, душа – это невидимый, нематериальный орган, который представляет собой средоточие внутренней жизни человека, всего первоначально важного для данной личности [10, с. 22]. Сердце же в отличие от души является лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутреннего мира в целом. Хотя лексемы *сердце/сърце* выступают как символические обозначения эмоций, в их семантике в скрытом виде сохраняется представление о материальной сущности этого органа, в связи с чем можно вести речь о диффузности, размытости значения некоторых ФЕ, включающих в качестве компонентов данные единицы [6]. Это объясняется следующим: в онтологическом плане эмоции представляют собой неразрывное единство психического и физиологического, причем данная взаимосвязь довольно своеобразно представлена в языке: в семантике многих эмотивных лексем и фразеологизмов собственно эмотивное значение совмещается с экспликативным значением, предполагающим отражение знаний о телесных признаках эмоций. Вследствие употребления метонимических символов *сердце/сърце*, способных одновременно обозначать и орган человеческого тела, и метафизическое средоточие чувств, в семантике данных ФЕ фиксируется нерасчлененное, синкретичное представление о субъективном переживании той или иной эмоции и сопровождающих ее физиологических реакциях [6]; ср.: русс. *сердце (на сердце) щемит/защемило, сердце кровью заливаается/залилось (обливается/облилось)* и др.; болг. *сърцето ми се къса от мъка* 'сердце разрывается от горя', *стяга ми се сърцето* 'сердце щемит' (букв. 'сердце сжимается') и т.п. Особое место среди анализируемых фразеологизмов занимают единицы, включающие в качестве компонента лексему *дух*, так как они отражают наивно-языковые знания о тесной взаимосвязи эмоциональных и волевых процессов; ср.: русс. *взыграть духом, воспрянуть духом, дух захватывает/захватило, дух*

занимает/заняло (занимается/занялся), затаивать/затаить (притаивать/притаить) дух (дыхание) и т.д.; болг. губя присъствие на духа 'терять присутствие духа', не падам духом 'не падать духом' и др.

Кроме того, соматический культурный код обуславливает образность большого числа ФЕ, внутренняя форма которых связана с символизацией других компонентов «внешнего» человека, в том числе следующих:

а) части тела (голова, шея, глаза, уши, нос, лоб, живот, конечности и т.д.): русс. голова кругом <идет/пошла>, горло перехватывает/перехватило, крутить носом, вешать/повесить нос <на квинту>, воротить (отворачивать) нос (морду, рыло, харю, физиономию), глаза на лоб лезут/полезли, глаза не глядят, делать/сделать большие (круглые) глаза, не верить <своим> глазам (ушам), бить челом, стоять на коленях, валяться в ногах, коленки (руки, ноги) дрожат (трясутся), не слышать (не чуют, не чувствовать) ног под собой, под горячую руку, опускать/опустить руки и др.; болг. чукам си главата 'разг. кусать локти' (букв. 'стучать головой'), вися над главата 'стоять над душой' (букв. 'висеть над головой'), дошло ми е до гуша 'разг. мне надоело до чертиков' (букв. 'дошло до горла'), дебели очи 'бесстыжие глаза' (букв. 'толстые глаза'), лежа на това ухо 'разг. успокаивать себя чем-л.' (букв. 'лежать на этом ухе'), влюбен до уши 'влюблен по уши', остря си зъбите 'точить зубы', вирнат нос 'пренебрежительный, надменный' (букв. 'поднятый нос'), откъсват ми се краката 'разг. ног под собой не чуют' (букв. 'ноги отрываются'), хапя си пръстите 'разг. кусать локти' (букв. 'кусать пальцы') и мн. др.;

б) внутренние органы: русс. доходить/дойти до печенок, въедаться/въестся в печенки, вытягивать/вытянуть (выматывать/вымотать) <все> кишки и др.; болг. пукна му се жлъчката от страх 'он очень сильно испугался' (букв. 'у него желчный пузырь лопнул от страха') и т.п.;

в) нервная система: русс. играть на нервах, нервы на пределе, трепать/истрепать (мотать/вымотать, портить/испортить) <себе> нервы, щекотать/пощекотать нервы, бьет по нервам (наповал) и т.д.; болг. късам нервите на някого 'трепать нервы (кому-л.)' (букв. 'рвать нервы кому-л.'). хабя си нервите 'портить себе нервы', овладявам си нервите 'владеть собой, сдерживаться' (букв. 'овладеть своими нервами'), дебели нерви 'железные нервы' (букв. 'толстые нервы') и т.д.

г) жидкие субстанции (кровь, желчь, слезы и т.д.): русс. кровь вскипает (закипает/закипела) <в жилах>, кровь бросилась (ударилась, кинулась) в голову, кровь <ключом> кипит, испортить много крови, краснеть/покраснеть до слез, обливаться холодным потом, пот прошибает/прошиб, изливать/излить желчь и др.; болг. кръвта му ври 'у него кровь кипит', кръвта ми изстина в жилите 'кровь у меня застыла в жилах', изливам си жлъчката 'изливать желчь' и др.;

д) покровы (кожа, волосы и т.п.): русс. лезть из шкуры <вон>, волосы становятся/стали (встают/встали, поднимаются/поднялись) дыбом (на дыбки); болг. излизам от кожата си 'разг. выходить из себя', влизам под кожата на някого 'втираться в доверие к кому-л.' (букв. 'влезть под чью-л. кожу'), страхувам се за кожата си 'бояться за свою шкуру' (букв. 'бояться за свою кожу'), изкарам от равновесие (от кожата) някого 'вывести из себя кого-л.' (букв. 'вынуть кого-л. из кожи') и др.

Если иметь в виду мотивированность внутренней формы данных ФЕ, то их образная семантика основана на представлениях, типичных для первобытной магии, в рамках которой метонимический принцип играл очень важную роль. В частности, предметы, каким-либо образом связанные с человеком, рассматривались как репрезентанты самого человека, и чем теснее эта связь, тем сильнее влияние, оказываемое через вещь на человека [3, с. 142]. Так,

сердцу, печени, почкам, глазам, жиру, костному мозгу приписывалась способность мистическим образом воздействовать на тех, кто их ест; мистической силой наделялись также отверстия тела, волосы, обрезки ногтей, кровь и т.п. [9, с. 31]. Древнейшие магические представления отражаются также во внутренней форме тех фразеологизмов, которые описывают эмоциональные состояния как выход человека из своей телесной или духовной «оболочки», например: русс. не в себе, быть вне себя, выходить/выйти (вылезать/вылезти, выступать/выступить) из себя и др.; болг. излизам от себе си, излизам извън себе си 'выходить из себя', вън себе си съм 'быть вне себя' и т.д.

Особую группу образуют те фразеологизмы, которые отражают взаимосвязь эмоций и биологических свойств человека. Например, для эмотивной фразеологии в обоих рассматриваемых языках характерна символизация различных физиологических проявлений человека, при этом источником образного описания эмоций выступают такие сферы, как:

а) вкусовые ощущения: русс. *по вкусу, прийтись по вкусу, входить/войти во вкус*; болг. *това е по вкуса ми* 'это мне по вкусу, это мне нравится' и т.д.;

б) тактильные (в том числе болевые) ощущения: русс. *задевать/задеть (затрагивать/затронуть) за больное место, наступать/наступить на <любимую, больную> мозоль, беречь/разберечь <старую> рану, делать/сделать больно* и т.д.; болг. *засягам болното място 'задевать за больное место', настъпвам по мазола 'наступать на мозоль, задевать больное место', бъркам в раната 'беречь душу' (букв. 'засовывать руку в рану')* и т.д.

Наличие довольно большого числа эмотивных ФЕ, входящих в последнюю группу, можно объяснить тем, что «болезненное состояние ассоциируется с эмоциональным дискомфортом (душевными, нравственными мучениями, тревогой, смятением, страхом, скорбью и т.п.). Физическое воздействие на объект, связанное с причинением боли, ассоциируется с каузацией эмоционально, психологически дискомфортного состояния. Само ощущение боли, рана, нарыв воспринимаются как источник нравственного страдания, беспокойства и т.п.» [2, с. 154].

Важным является и то, что образная семантика некоторых анализируемых ФЕ отражает ассоциативную связь эмоциональных явлений и других психических процессов, прежде всего интеллектуальных и волевых. Например, в качестве компонентов эмотивных ФЕ нередко выступают такие лексемы, как *ум, мысль* и под.: русс. *быть без памяти (без ума), любить без памяти (без ума), не по мысли* и т.д.; болг. *взема ума (на някого)* 'ошарашить кого-л.' (букв. 'взять ум (у кого-л.)'), *загубя и ума и дума* 'растеряться, потерять дар речи, лишиться языка' (букв. 'потерять и ум, и слово'), *изкарам му ума* 'напугал, перепугал его до смерти' (букв. 'вынуть у него ум') и др. Интересно, что аналогичные фразеологизмы представлены и в других славянских языках: пол. *potieszać zmysły (rozum, w głowie)* 'свести с ума кого-л.' (букв. 'смешать, перемешать чувства (ум, в голове)'); чеш. *býti dobré mysli* 'быть в хорошем настроении', *je mi to proti mysli* 'это ему не нравится' (букв. 'это ему против мысли'), *pokleslý na mysli* 'упавший духом' (букв. 'упавший мыслью'), *hnutí mysli* 'аффект' (букв. 'движение, волнение мысли'), *když ho dobrá napadne* 'когда у него хорошее настроение' (букв. 'когда ему в голову придет хорошая мысль'; ср. *dobrá* '2. хорошая мысль') и др. Наличие большого количества таких фразеологизмов в анализируемых и других славянских языках является вполне объяснимым с учетом данных психологии, согласно которым психическая деятельность человека носит холистический характер, обуславливающий тесную связь эмоциональных и ментальных процессов.

Стоит также отметить, что в составе русских и болгарских эмотивных фразеологизмов выделяются единицы, образная семантика которых связана с реализацией предметного кода

культуры. Такие ФЕ включают в себя в качестве компонентов названия различных материальных предметов, например: русс. *без мыла в душу лезть/влезть, буря в стакане воды, быть спицей в глазу, вонзать/вонзить <острый> нож в сердце, глотать/проглотить пилюлю* и др.; болг. *гледам (пазя) като рохко яйце* 'носить на руках (кого-л.); души не чаять (в ком-л.)' (букв. 'смотреть (беречь) как (на) яйцо всмятку'), *до козирката ми е дошло* 'осточертело, надоело до чертиков' (букв. 'дошло до козырька'), *прегълтна горчивия хап* 'проглотить горькую пилюлю', *левам се като гербова марка* 'разг. приставать как банный лист' (букв. 'прилепляться как гербовая марка') и т.д. Очевидно, что во внутренней форме рассматриваемых фразеологизмов отражаются связанные с теми или иными предметами стереотипы, закрепленные в сознании представителей русской и болгарской лингвокультур. Данные стереотипы становятся своеобразными эталонами, с которыми соотносятся знания о тех или иных аспектах эмоциональных явлений.

Выводы

Таким образом, анализ эмотивных фразеологизмов в русском и болгарском языках показал, что можно выделить две группы таких единиц: включающие/не включающие в качестве компонентов названия эмоций. Образность фразеологизмов первого типа основана на онтологических метафорах, фиксирующих уподобление эмоций реалиям физического мира (предметам, жидкостям и т.д.). Образная семантика фразеологизмов второго типа носит антропоцентрический характер: она отражает наивно-языковую интерпретацию эмоций с опорой на коллективные знания о разнообразных характеристиках человека. При этом ведущую роль играет метонимический принцип, в соответствии с которым эмоции описываются путем указания на связанные с ними феномены, прежде всего имеющие отношение к их переживанию и внешнему выражению. В этом случае оказывается активно задействованным соматический культурный код: например, образному переосмыслению и символизации подвергаются такие имена, как *сердце/сърце* и *душа*, которые в обоих рассматриваемых языках обладают значительным фразеобразующим потенциалом. Актуализация этого кода осуществляется также за счет использования в составе эмотивных ФЕ многочисленных названий частей тела, внутренних органов, жидкостей, покровов, вкусовых и тактильных (в том числе болевых) ощущений и т.д. Кроме того, в основе образной семантики ряда анализируемых фразеологизмов лежит предметный код, отражающий ассоциативную связь эмоций и различных «вещных» реалий, с которыми в сознании носителей русского и болгарского языков соотносятся определенные стереотипные представления.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220663).

Литература

1. Анкова-Ничева К. *Нов фразеологичен речник на българския език*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», **1993**. 460 с.
2. Балашова Л. В. *Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.)*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, **1998**. 216 с.
3. Берестнев Г. И. *Семантика русского языка в когнитивном аспекте*. Калининград, **2002**. 155 с.
4. Бреслав Г. М. *Психология эмоций*. 2-е изд. М.: Смысл, **2006**. 544 с.
5. Димитрова Л. *Българско-руски речник*. Варна: Хирон 2000, **2000**. 955 с.
6. Калимуллина Л. А. Семантическая специфика эмотивной фразеологии в русском языке XVIII–XIX вв. // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. **2009**. №2. С. 246–254.

7. Киселева Л. А. Культурный код как основа внутренней формы эмотивных фразеологизмов (на материале славянских языков) // Доклады Башкирского университета. **2018**. Т. 3. №2. С. 189–193.
8. Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки русской культуры, **2004**. 506 с.
9. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М.: Педагогика-Пресс, **1999**. 236 с.
10. Урысон Е. В. *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике*. М.: Языки славянской культуры, **2003**. 224 с.
11. Хайруллина Р. Х. *Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию*. Уфа: Изд-во БГПУ, **2000**. 285 с.
12. Хефни Х. А. Х. Эмотивные зооморфизмы как средство отрицательного описания человека в русском и арабском языках // Международный научно-исследовательский журнал. **2020**. №9(99). URL: <https://research-journal.org/archive/9-99-2020-september/emotivnye-zoomorfizmy-kak-sredstvo-otricatel'nogo-opisaniya-cheloveka-v-russkom-i-arabskom-yazykax?ysclid=lcomlrhuqi597314326>.
13. Хомякова Н. А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., **2008**. 23 с.
14. *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: В 2 т.* / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, **1991**.

Поступила в редакцию 29.11.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.5

Dominant images in Russian and Bulgarian emotive phraseology

© L. A. Kiseleva^{1*}, A. M. Yamaletdinova²

¹Samara National Research University
34 Moskovskoye Road, 443086 Samara, Russia.

²Ufa University of Science and Technologies
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: kiseleva.la@ssau.ru

The article is devoted to the systematic description of the main images that determine the specification of the internal form of phraseological units with the meaning of emotions in the Russian and Bulgarian languages. Two groups of such units are singled out: including/not including the names of emotions as components. The figurativeness of phraseological units of the first type is based on ontological metaphors that fix the assimilation of emotions to material realities (objects, liquids, etc.). The figurative semantics of stable phrase of the second type is of anthropocentric character: it reflects a naive-linguistic interpretation of emotions based on ideas about various external characteristics of a person. The leading role is played by the metonymic principle, which implies the description of emotions through an indication of the phenomena associated with them. Particularly, an actualization of the somatic cultural code is observed: figurative rethinking and symbolization meet with such names as heart and soul, which in both languages have considerable and significant phrase-forming potential. Similarly, in the composition of emotive phraseological units, numerous names of body parts, internal organs, liquids, integuments, taste and tactile sensations, etc. are actively used. The figurative semantics of a number of emotive phraseological units is based on a subject code that reflects the associative connection of emotions and various material realities, with which certain stereotypical representations are correlated in the minds of speakers of the Russian and Bulgarian languages.

Keywords: emotions, phraseology, figurativeness, Russian language, Bulgarian language, anthropocentrism, somatic and subject codes of culture.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220663).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kiseleva L. A., Yamaletdinova A. M. Dominant images in Russian and Bulgarian emotive phraseology // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 6. Pp. 444–452.

References

1. Ankova-Nicheva K. *Nov frazeologichen rechnik na b'lgarskiya ezik*. Sofia: Universitet-sko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski", 1993.
2. Balashova L. V. *Metafora v diakhronii (na materiale russkogo yazyka XI–XX vv.) [Metaphor in diachrony (based on the Russian language of the 11th–20th centuries)]*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1998.
3. Berestnev G. I. *Semantika russkogo yazyka v kognitivnom aspekte [Semantics of the Russian language in the cognitive aspect]*. Kaliningrad, 2002.
4. Breslav G. M. *Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]*. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2006.

5. Dimitrova L. *B'lgarsko-ruski rechnik*. Varna: Khiron 2000, **2000**.
6. Kalimullina L. A. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. **2009**. No. 2. Pp. 246–254.
7. Kiseleva L. A. *Doklady Bashkirskogo universiteta*. **2018**. Vol. 3. No. 2. Pp. 189–193.
8. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, **2004**.
9. Levy-Bruhl L. *Sverkh''estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in primitive thinking]*. Moscow: Pedagogika-Press, **1999**.
10. Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoï kartiny mira: Analogiya v semantike [Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, **2003**.
11. Khairullina R. Kh. *Frazeologicheskaya kartina mira: ot mirovideniya k miroponimaniyu [Phraseological picture of the world: from world-vision to world-understanding]*. Ufa: Izd-vo BGPU, **2000**.
12. Hefny H. A. H. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. **2020**. No. 9(99). URL: <https://research-journal.org/archive/9-99-2020-september/emotivnye-zoomorfizmy-kak-sredstvo-otricatel'nogo-opisaniya-cheloveka-v-russkom-i-arabskom-yazykax?ysclid=lcomlrxuqi597314326>.
13. Khomyakova N. A. *Emotivnye frazeologizmy v russkom, frantsuzskom i angliiskom yazykakh (sopostavitel'nyi analiz): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Moscow, **2008**.
14. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.: V 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of the 18th–20th centuries: in 2 volumes]*. Ed. A. I. Fedorova. Novosibirsk: Nauka, **1991**.

Received 29.11.2022.